

**Г. А. Соколов «В защиту церковнославянского языка»
(Астрахань, 1910)**

Славянское слово имеет определенную силу как фактор религиозно-нравственного развития, вот уже 1000 лет просвещающего Русь Православную. Его воспитательное значение сохраняется и до сих пор, ибо те же чувства, то же настроение господствует среди чад Русской Православной Церкви, и непосредственная сила религиозного наставления, выраженная в формах славянской речи, особенно чувствуется ими.

Содержание церковных книг неотделимо от формы. Церковнославянский язык является в данном случае идеальной формой. Отделить форму от идеи – значило бы ослабить ее, лишить ее всей полноты ее силы и значения. Сбросить эту форму без ущерба для содержания невозможно.

Слово церковное слилось с жизнью Православной России.

Церковнославянский язык – это драгоценный сосуд, созданный для высокого содержания, вполне ему по основным своим свойствам соответствующий. Ведь не напрасно историки пришли к выводу, что труд переводов Мефодия и Кирилла, «их великое дело было пережито нами в собственной истории: в русской мысли, в русском чувстве, в русском подвиге».

Насколько вера искреннее и глубже, настолько острее и потребность в форме именно славянской речи, в простом и величавом ее течении, в ее дивной мелодичности и музыкальности.

Сила мысли и сила чувства находятся в связи с силою церковнославянской речи.

Быть в Церкви, возноситься душою к Богу, поучаться стало не только потребностью, но и влечением, свойством души, природою.

Славянское слово исполнено веры и высшей духовной правды.

Церковнославянская речь не только своим духом, исполненным непосредственной веры и умиления, но даже видом своих письмен влечет в горный мир возвышенных созерцаний и настроений, христианского подвига и нравственного совершенства.

Церковнославянский язык как бы впитал в себя те свойства, какие принадлежат самому тексту, и самим своим видом и особенностями способствует восприятию текста.

История и жизнь убеждают нас, что славянский язык – это сокровище, которое нужно хранить, которым нужно дорожить.

Благодать Божия поставила славянский язык в один ряд с тремя превосходными языками: греческим, латинским и еврейским.

Некоторая оторванность языка литургического от разговорной речи, от обыденной жизни составляет достоинство молитвенной речи. Иметь для ре-

лигиозных целей язык понятный и в то же время торжественный, далекий от того, в котором встречаются вульгарности (а в наше время вульгарность – уже принятый тон, потому что речь изобилует грубостью и грязью), и даже от слов и оборотов обыденного языка, – это общечеловеческая потребность.

Как первые детские впечатления закладывают самые глубокие основы нравственной и душевной жизни человека и остаются на всю жизнь милы и дороги, так и первоначальные священные и богослужебные тексты навсегда остаются дороги и священны для народа, так как от их влияния и оставленных впечатлений возникли первые начала самой живой, именно религиозной стороны духовной жизни народа.

Славянский язык необходим для обнаружения религиозных стремлений.

Славянский язык – язык Церкви и религиозной письменности.

Славянский язык – лучшее средство, чтобы привести к крепкой вере и жизни по вере.

До принятия христианства на Руси не было устойчивого языкового мировоззрения, твердо выработанной языковой космогонии.

Расшатать и разорвать связь между религиозными и нравственными стремлениями и славянским языком – не значило ли бы поколебать те основы духовных устремлений, которые были заложены еще 1000 лет тому назад?

Учение веры и нравственности отлилось в формы славянской речи.

Славянский язык принес неоценимые религиозно-просветительные блага русскому народу. Славянский язык дал те привычки, которые у народа русского стали второй природою. В чем особенности этих привычек? Своей искренностью, непосредственностью, глубоко проникнутая верою в Бога и Его промыслительные действия, речь на этом языке самым складом своим, самым выбором слов и выражений, тем духом, который ее проникает, производит теперь это уже привычное влияние на душу верующего. Далее, язык церковнославянский, уже много веков имея задачу, единственной задачей, – выражать Божественное учение и повествования о домостроительстве Божиим в направлении жизни людей, так сроднился с тем, для выражения чего он служит, что воспитанный на нем народ особенно восприимчив именно к тому, что он выражает, и в самом его звуковом составе, в движении речи ощущает этот высший смысл, слышит голос Бога, сам к Нему на этом языке обращается и веками усвоил то убеждение, что славянский язык есть орудие, средство общения на нем с Богом.

Там, где у нас на Руси для целей религиозных вместо славянского языка употребляют русский, там уже нет Православия. Есть у нас секты, где на собраниях, имеющих характер богослужения, читают и поют по-русски. Но кто же их назовет православными? И вот те именно причины, которые отделили их от Православия и сделали их по мировоззрению и религиозным понятиям

иными – они-то привели их к предпочтению русского языка славянскому. Когда под влиянием новых учений и критического отношения к вере отцов изменилось настроение, прекратилась восприимчивость к живым и непосредственным воздействиям славянской речи, тогда Православное Богослужение и обряды потеряли для них свое значение.

Дальнейшим результатом всего этого явилось стремление проникнутый духом Православной веры язык славянский заменить языком живой, разговорной речи, более удовлетворяющим требованиям сознания. Но, несомненно, он уже не то говорит воображению и чувству. Когда явилось стремление к замене для религиозных нужд славянской речи речью русской, тогда, очевидно, уже произошли духовные перемены, ведущие к измене Православию. Склонность к тому или иному языку есть только симптом и результат этих внутренних и глубоких перемен – в вере и мировоззрении. Лишь перемены в верованиях ведут за собой измену языку прежних верований.

Православные, пока они православные, не могут желать этой перемены уже по складу своей духовной природы, – и чем тверже, искреннее и глубже вера их, тем дальше они от этих желаний. Они непосредственно чувствуют, что перемена языка была бы связана с переменой в самом духе Православной религии. В славянской речи они слышат молитвенный голос своих отцов и дедов и сливаются с ними в единстве многовековой истории, в единстве молитвы всей России, всех славян.

Те, кто желает перевода богослужебных текстов на русский язык, желают этого не в силу своих собственных религиозных потребностей. Они почти все равнодушны и к богослужению, и к языку Церкви. Они желают только в силу теоретических соображений о большей доступности текстов богослужебного языка, о более осознанном отношении к читаемому и т. д. Но те, кто живут религиозною жизнью, кто нуждается в Церкви и службах ее, те именно и не желают перевода, да и не могут желать, не изменившись в своих отношениях к религии и к тем чувствам, которые вызываются славянским языком.

Заменить один язык другим – значит изменить свойства и особенности содержания, придавши ему новый характер, не соответствующий тому, какой вложили духоносные переводчики в славянские тексты; это значило бы принизить его содержание, приблизить к мирской жизни, а нередко придать и характер вульгарности.

Всякое слово православного на славянском языке знакомо, близко, сродни всякому человеку, воспитанному в Церкви.

Церковнославянский язык далек от утилитарности, он возбуждает чувство великого, возвышенного и вековечного. Он не колеблется, не изменяется, – сообразно с тем, как неизменна и устойчива вера Православная.

Перевести на частный язык, каким является русский, божественные истины – значило бы поставить их в общий поток жизни, внося в перевод перемены в языке, вызванные нуждами жизни, то есть обусловленные социальными движениями, изменениями в искусствах, науке, торговле и вообще во всех сферах деятельности, обуславливающих развитие языка. Но как вера устойчива и неизменна в своем существе, так должен быть устойчив и язык религии, не меняясь с каждым поколением согласно движению общественной жизни. Язык общеупотребительный в житейских делах с каждым поколением уже не тот, и одно столетие жизни вносит в него значительные перемены. Неужели и язык Церкви с каждым поколением должен подновляться и изменяться, внося новые и новые перемены вопреки неизменяемости Кафолической Церкви.

Когда на Русь была перенесена церковнославянская письменность, то на этом языке совершалось богослужение, читались священные книги, писались жития русских святых, летописи, писались проповеди и другие религиозно- и нравственно-назидательного содержания творения. И только акты государственные, договоры и другие официальные бумаги писались по-русски. В то время между языками этими существовало значительное сходство. Языки влияли один на другой, и вплоть до времени Петра I, когда могли возникать сомнения, считать ли главный отдел литературы (летописи, сказания, хождения и т. д.) высшим стилем русской речи или низшим стилем речи церковнославянской.

Церковнославянский язык дает созерцание высоких религиозных идей и образов, влияет на сердце, возбуждает нравственные чувства, влечет к улучшению жизни на началах любви, самопожертвования и служения своим близким. Он имеет свои особенные задачи. Не принижаясь, не ослабевая, религиозная вера не может заковываться в формы, свойственные знанию.

Церковно-славянский язык достоин сохранения и как лучшая форма выражения великой идеи христианства в том виде, в каком оно сложилось в Православной Церкви и осуществилось в душе русского народа.

Мысль о богослужении на русском языке родилась у людей, стоящих вдали от Православия, равнодушных к Церкви, не переживавших на себе влияния славянской речи.

Славянский язык мы защищаем не по праву его давности, а лишь потому, что он имеет благотворное значение и свои преимущества перед русской речью.

Различие во взглядах на славянский язык, в конце концов, связывается с различием мировоззрения и отношения к религии. Со стороны отрицателей славянского языка сказывается и отрицательное отношение к религии. Не яв-

ляется ли отрицание славянского языка в богослужении посягательством на самую религию, а не только на формы ее выражения?

Нерасположенные к славянскому языку относятся несочувственно к религии.